

«Медиапространство» XIX века в зеркале русского языка: лексико-фразеологический аспект*

В. Н. Калиновская

Институт лингвистических исследований Российской академии наук,
Российская Федерация, 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9

Для цитирования: Калиновская, В. Н. (2021). «Медиапространство» XIX века в зеркале русского языка: лексико-фразеологический аспект. *Медиалингвистика*, 8 (2), 144–160.
<https://doi.org/10.21638/spbu22.2021.204>

Изучение истории словарного состава русского языка конкретного периода позволяет выявить динамично развивающиеся группы лексики, объединяемые по какому-либо принципу (лексико-семантические поля, словообразовательные гнезда и типы). Дифференциальный принцип формирования словника для «Словаря русского языка XIX века» такую возможность предоставляет в отношении лексики и фразеологии, относящейся к лексико-семантическому полю «журналистика». В статье лексические новообразования (*журнализм, журнальность, газетность*), относящиеся к лексико-семантическому полю «журналистика», анализируются с точки зрения вербализации понятий, связанных с осознанием новой социально-философской реальности в общественной жизни России XIX в. Рассматривается смысловое содержание слов-терминов, корректируются хронологические данные относительно их появления в русском языке. Разбирается широкая лексическая сочетаемость лексем *журнальный (журнальная критика; журнальные статьи, мелочи; журнальные выходки, шутки, почести, закидать журнальной грязью; журнальный Аристарх, журнальный писака; журнальный сыщик, журнальные псы, плутни; журнальный фронт, шут и др.), газетный (газетный мир, мирок; газетное общество; газетный язык; газетные борзописцы, газетный гений; газетный водоворот, газетный товар и др.)* в текстах русских авторов XIX в., делается акцент на особой роли прилагательных в качестве маркеров элементов новой социальной ментальности, обусловленной формированием «медиапространства». Также анализируются языковые факты, которые указывают на образование оценочной лексики в составе данной группы слов (*журнальчик, журналишко, журналец; газетка, газетишка, газетенка, газетчина*), выполняющей функцию индикатора отношения общества, отдельных его представителей в лице авторов текстов к феномену новой словесности. Результаты анализа, проделанного в отношении представленного в статье языкового материала, позволили охарактеризовать собранные факты как объективное свидетельство идентификации медиапространства в языковой картине мира русского человека. Проецирование фактов, полученных в ходе исследования, на ранее изученный языковой материал подтверждает наличие в этой картине определенной матрицы, организующей наши представления о структуре общественных отношений. Результаты анализа, показавшие продуктивность применения историко-лексикологических и лексикографических методов в изучении актуального языкового материала, могут быть использованы исследователями в разных областях гуманитарного знания.

Ключевые слова: русский язык XIX в., медиапространство, лексика, фразеология.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-012-00413 «Русский язык в медиапространстве XIX века»).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

Постановка проблемы

Правомерность употребления понятия «медиапространство» по отношению к периодической печати XIX в. и ее особой роли в общественной жизни эпохи вытекает из антропоцентрической составляющей современной научной парадигмы, а она заставляет обратиться к истории вопроса, т. е. к необходимости «провести археологию пространства массмедиа» в русской словесной культуре [Скрипченко 2016: 8]. Медиапространство, по мнению современных исследователей СМИ, — «это динамично формирующийся информационный ресурс, важнейшей характеристикой которого является ограниченность от другого информационного пространства» [Обидина 2013: 137]. Считается, что понять его национальную специфику можно только «через призму прошлых веков» [Обидина 2013: 137]. Термин «медиапространство» в научной литературе считается многомерным. В рамках междисциплинарного интереса к данному феномену выделяют несколько подходов к определению его природы и сущности [Монастырева 2010]. Суть их сводится к тому, что медиапространство рассматривается комплексно: в соотнесении с понятием «информационного поля» (в данном случае «журналистского поля» как части символического пространства знаков), с точки зрения информационных отношений между людьми (сбор, производство и потребление информации) и с позиции социальных взаимоотношений между производителями и потребителями информации, результатом которых является воспроизводство социализированной личности [Монастырева 2010]. Существование информационного поля в социальном пространстве XIX в. проявилось в активизации журнальной деятельности, выразившейся в росте количества периодических изданий и их многообразии, в рождении особой профессии журналиста, превращении журнала, а затем и газеты в неотъемлемую часть обыденной жизни русского человека: *В последнее двадцатилетие наше общество настолько составило себя привычку, что лишение возможности прочесть въ какой-нибудь газетъ текущая новости считается однимъ изъ лишений* (Нива 1883, № 13).

Формирование концепции периодической печати, ее развитие в истории русской культуры Нового времени шло параллельно с появлением в русском языке специальных терминов, обозначающих новую реальность, ее акторов, продуктов их деятельности. В словарном составе русского языка ядро данного лексико-семантического поля образуют заимствования предшествующей эпохи и неология XIX в., включая дериваты, возникшие на русской почве. Работа над историческим «Словарем русского языка XIX», словарем дифференциального типа [Словарь русского языка XIX века 2002], позволяет проследить развитие этой лексики в динамике и с учетом экстралингвистического фактора. В задачи нашего исследования входит не только анализ отдельных лексем как единиц системы, но и наблюдение за их функционированием (употреблением) в текстах изучаемого периода. Таким образом, в центре нашего внимания проблема вербализации медиапространства на определенном этапе его формирования.

История вопроса

Лексико-семантическое поле «журналистика» в лексиконе русского языка начинает оформляться в XVIII в. Этот процесс напрямую связан с изменениями в жизни государства и общества, начало которым было положено Петровскими

реформами. Как известно, в ряду этих преобразований особая роль отводилась газете «Вѣдомости» (1702), положившей начало русской периодической печати (с 1728 г. регулярное издание «Санктъ-Петербургскіе Вѣдомости»). Значение этого культурного события состояло в его «небывалости»: в газете, ее содержании материализовалась «установка на обязательную новизну», составлявшую суть петровских преобразований [Панченко 2000: 250]¹. Формирование специальной терминологии, относящейся к указанной сфере общественной жизни, на протяжении двух веков концентрируется вокруг номинаций основных типов периодических изданий, представляющих собой заимствования XVIII в., — *газета* и *журнал*. Можно сказать, что в конкуренции с русскими эквивалентами «слово уступило вещи» [Панченко 2000: 245]: вместе с европейской культурной реалией пришло новое слово, вытеснившее старую номинацию. Первое употребление слова *газета* датируется началом XVIII века (1708). К концу столетия мы уже имеем гнездо слов, в его составе, наряду с заимствованиями (*газета*, *газетьер* 'издатель, распространитель газет'), присутствуют и новообразования, возникшие на русской почве (*газетчик* и *газетник* 'то же, что газетьер', *газетный*) [СлРЯ XVIII 1976: 81, 82]. Важно подчеркнуть, что контексты употребления слова *газета* в источниках XVIII в. касаются в основном новостей в иностранных периодических изданиях, появляется сочетание *публичные газеты*, актуализирующее установку на потребителя информации. Любопытное замечание на тему процесса формирования «медиапространства» находим у Н. М. Карамзина. Наблюдательный автор обращает внимание на социальный статус людей, составляющих круг читателей газет, — это пассионарный слой общества, определяющий развитие следующей эпохи: «Правда, что еще многие дворяне, и даже в хорошем состоянии, не берут газет; но за то купцы, мещане любят уже читать их. Крм. Соч. 1803 VII 344» [СлРЯ XVIII 1976: 81].

Заимствование *журнал* (его варианты *юрнал* 1702, *журнал* 1720) в актуальном терминологическом значении «повременное издание (первоначально научное, затем литературное)» начинает встречаться только в текстах последней трети XVIII в. [СлРЯ XVIII 1992: 148]. В это же время заимствуется лексема *журналист* 'писатель, издатель, журнала' [СлРЯ XVIII 1992: 148]. Что касается зафиксированных в источниках этого периода слов *журнальный* и *журналец*, то примеры их употребления, которыми располагает картотека «Словаря русского языка XVIII века», не позволяют судить о связи их значений с семантикой термина *журнал* [СлРЯ XVIII 1992: 148].

До начала XIX в. заимствованные термины продолжают восприниматься как иностранные слова и фиксируются лишь в двуязычных словарях и словарях иностранных слов [СлРЯ XVIII 1976: 7]. Очевидно, определенным рубежом завершения первого этапа и началом нового, активного периода вербализации медиапространства в русском культурном процессе можно считать заимствование слова *журналист*, имеющего отношение к журналистике как роду деятельности. Этот

¹ Прозрачность «внутренней формы» русских слов, на первом этапе конкурирующих с заимствованным термином *газета*, как раз демонстрирует наличие факта культурного события: наименование вещи (газеты) мотивировано с точки зрения характера содержания (*новизны*, *новины*) и соответствия модели «регулярности», выбранной Петром Первым в качестве организующего (обучающего, воспитывающего) принципа (*вѣдомости*). Эволюция этих наименований в качестве «терминов» заканчивается либо утратой слова, либо сохранением в качестве имени собственного (в названии конкретного печатного издания).

языковой факт может быть поставлен в один ряд с другими значимыми приобретениями русского литературного языка Нового времени — словами *литература*, *литератор*, *автор*, с которыми связывается качественно иной (профессиональный) статус словесного творчества.

Пополнение словообразовательных гнезд, формирующихся вокруг ключевых лексем (*газета* и *журнал*), продолжилось в XIX в. (*журналистика*, *журнализм*, *журнальность*, *газетность* и др.), что было обусловлено развитием журнальной литературы в 1820–1830-е годы, которое «приметно изменило культурную ситуацию в России, обозначив не только направления полемики складывающихся литературных партий, но и появление феномена журнализма, влиявшего на разнообразные пласты культуры» [Игнатьева 2008а: 3].

К 40-м годам XIX в., как отмечается многими исследователями истории журналистики, специфичность журнального слова начала восприниматься как проявление особого типа словесного сознания, его «присутствие стало осознаваться и закрепляться как принципиально *иное* (курсив автора. — Э. Ш.) по отношению к господствующему художественному слову, а постепенно вообще становится одним из ценностных приоритетов» [Шестакова 2005: 21]. Осознание силы журнального слова, обращенного к читателю со страниц периодических изданий, в умах мыслящих людей эпохи трансформировалось в феномен, равный по значимости другим важнейшим культурным событиям в истории человечества. Так, предчувствовавший влияние журнального слова, критик, поэт и журналист П. А. Плетнев обращался в письме от 9 августа 1846 г. к известному литератору С. П. Шевыреву, уговаривая последнего на сотрудничество в «Современнике»: «Ужели не разделяете вы со мной убеждения, что мы живем в эпоху, в которую последовало что-то равное изобретению письмен и книгопечатания? Это открытие силы повременных изданий. Итак мыслящему человеку, стремящемуся утвердить в обществе убеждения свои, необходимо обладать каким-нибудь из этих изданий: иначе он принужден будет задушить в себе то, что составляет действительную жизнь его» [Гоголь 1936: 162–163]. Похожую мысль облекает в экспрессивную словесную формулу П. А. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу, сетуя на невозможность опубликовать запрещенную цензурой статью о Вольтере 1819 г.: «Меня мучит бес печатания (выделено нами. — В. К.). Право надоело мне ездить к безсмертию по рукописному тракту. Что мне за удовольствие, что внуки узнают, каков был их дедушка, и дураков будут бить моим именем! Я хочу заживо быть пугалом и бить не на живот, а на смерть, но животом, а не смертью!» [Вяземский 1899: 261]. Исследователи варшавского периода в жизни и творчестве Вяземского связывают характерный для этого времени отказ поэта от устного и рукописного распространения своих стихотворений со страстным желанием перейти к более «резонансным» выступлениям на актуальные темы в печати [Степанищева 2012: 131–132].

Пожалуй, наиболее известна характеристика этого процесса как отражения общеевропейской тенденции, данная И. В. Киреевским в работе «Обзорение современного состояния литературы» 1845 г.: «...не надобно думать, чтобы характер журнализма (выделено нами. — В. К.) принадлежал только периодическим изданиям, он распространяется на все формы словесности, с весьма немногими исключениями. В самом деле, куда ни оглянемся, везде мысль подчинена текущим обстоятельствам, чувство приложено к интересам партии, форма приноровлена требова-

ниям минуты. Роман обратился в статистику нравов, поэзия — в стихи на случай; история, быв отголоском прошедшего, старается быть вместе и зеркалом настоящего, или доказательством какого-нибудь общественного убеждения, цитатой в пользу какого-нибудь современного воззрения» [Киреевский 1911: 122]. Автор четко выделяет черты, определяющие суть этих изменений: современность, актуальность, злободневные вопросы социальной жизни — вот что интересует читателя и заботит издателей журналов и газет, авторов литературных произведений. Эта тенденция отражается в рекламе тех или иных журналов, книг в соответствующих разделах, призывающей «не отстать от современного хода знаний и просвещения».

Признание журналистики как новой реальности в словесной культуре не только отразилось в текстах, но и было закреплено лексикографическими источниками XIX в.: *журнал*, *журналист*, *журнальный*, *журналистика* (Сл. 1847, словарь Даля), *журнализм* (Сл. Акад. 1898). Тем не менее в отношении трактовки содержания последнего термина до сих пор возникают вопросы в научной литературе. Неудовлетворенность историков языка, равно как и исследователей языка СМИ, вызывает лексикографическая интерпретация слова, характеризующего новую словесную реальность. Трактовка значения лексемы *журнализм* как ‘то же самое, что и журналистика (во 2-м зн.)’, т. е. ‘одна из форм литературной деятельности; профессия журналиста’ [ССРЛЯ 4: 192], практически переходит из словаря в словарь. Можно согласиться с теми исследователями, которые предлагают видеть в семантике слова *журнализм* наличие «коннотаций, намекающих на характер мироотношения, на более или менее последовательную позицию автора, <...> и на объективно существующий особый социально-культурный феномен, который превышает привычный семантический объем слова “журналистика”» [Игнатъева 2008а: 62].

Современные исследователи этого феномена стараются заново обратиться к первоисточникам, в первую очередь к программной статье Н. В. Гоголя: «Гоголь был одним из первых, кто это почувствовал и воплотил в своей публицистике, переписке и художественных произведениях. Развивая достижения Карамзина и Пушкина в этой области, позиционируя себя как сторонника “аристократической” партии, он был подчеркнуто самостоятелен и полемичен в своих суждениях, а главное, создал цельное представление о журнализме как характерном феномене» [Игнатъева 2008б: 3]. «Он первым попытался понять природу этого социально-философского феномена» [Епанчинцев 2014: 112].

Мысль о месте журнальной литературы в ряду других типов, форм и средств общественной коммуникации наиболее отчетливо и образно была сформулирована в известной программной статье Н. В. Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» (1836), напечатанной в первом номере пушкинского «Современника»: «Журнальная литература, это живая, свежая, говорливая, чуткая литература, так же необходима в области наук и художеств, как пути сообщения для ярмарки и биржи для купечества и торговли. Она ворочает вкусом толпы, обращает и пускает в ход все выходящее наружу в книжном мире, и которое без того было бы в обоих смыслах мертвым капиталом. Она — быстрый, своеобразный размен всеобщих мнений целой эпохи и века, мнений, без нее бы исчезнувших безгласно» [Гоголь 1952: 156]. Обращает на себя внимание то, в какой контекст (см. лексическое окружение, обороты речи) влетает автор сочетание *журнальная литература*

‘журналистика’, тем самым ставя новую словесность в один ряд с другими приметами современной ему эпохи. Само выражение носит описательный характер. Используя его, Гоголь рассматривает новый феномен с позиции формы и в границах единого литературного процесса.

На страницах периодических журналов 1830–1840-х годов термин «журнализм» чаще всего встречается в том же значении, что и журналистика. Именно так, по мнению одного из исследователей, слово употреблено в анонсе переводного материала «История журнализма, писанная старинным журналом» в номере «Московского наблюдателя» за 1836 г. [Епанчинцев 2014: 112].

Вопрос корректности дефиниций не единственная проблема, которая существует в отношении трактовки терминов, за которыми стоит сложное многоаспектное понятие. Это в полной мере относится к рассматриваемому слову². Другая проблема состоит в ошибочности хронологических данных, касающихся времени появления того или иного слова в языке, по причине недостаточности фактического материала. Как результат факт употребления слова, представленный в современных словарях и научной литературе как лексическая неология Новейшего времени, может оказаться анахронизмом (см. в разделе «Анализ материала» комментарии по поводу слов *журнальность*, *газетность*).

Методика анализа

Решение проблемы истоков и развития медиапространства на лексическом материале определило выбор методов исследования. Лексической базой для нашей работы стали материалы словника и картотеки «Словаря русского языка XIX века», разрабатываемого группой отдела исторической лексикологии и лексикографии (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург), также использовались интернет-ресурсы (Национальный корпус русского языка — НКРЯ). В качестве объекта непосредственного историко-лексикологического наблюдения была выбрана лексика лексико-семантического поля «журналистика», его ядро и периферия. Применяемый в «Словаре русского языка XIX века» принцип дифференциального отбора и описания лексики в границах исторического периода — новаторский в исторической лексикографии — позволяет в снятом виде получить языковую картину мира русского человека XIX в. в динамике. Таким способом выявляется лексическая неология, отражающая номинативные процессы, обусловленные возникновением новых реалий — предметов, явлений, отвлеченных понятий. Сформированный на основе этого принципа словник демонстрирует активные деривационные процессы (развитие словообразовательных гнезд, новообразований по продуктивным моделям), их анализ делает возможным применение метода прогнозирования при устранении лакун в лексической системе языка.

Принципы работы с источниками в данном словарном проекте — традиционная выборка и современные компьютерные технологии (поисковые системы) — позволили ввести новый текстовый материал, тем самым расширить эмпирическую базу историко-лексикологического исследования, касающуюся употребления кон-

² С проблемой дефиниций, возникающей в связи с изучением подобной лексики, сталкиваются многие исследователи. См. рассуждения по поводу семантического синкретизма идеологемы *азиатизм* в статье: [Давыдова, Чапаева 2019: 211–218].

кретных, в том числе уже известных, слов по теме исследования. Наблюдение за употреблением слова дает как результат типичную для века лексическую сочетаемость, которая содержит в себе ценную историко-культурную информацию.

В работе с отобранным лексическим материалом был использован также сравнительно-сопоставительный метод, в основу которого положен тезис о системном развитии словарного состава. Сопоставление языковых фактов (образование отвлеченной лексики по определенным моделям, эволюция относительных прилагательных в качественные), изучаемых в рамках данного исследования, с результатами, полученными ранее на другом лексическом материале, позволило установить общие закономерности развития в разных тематических группах слов. Совокупность фактов и результатов их анализа позволяет рассматривать словарь как своего рода гипертекст, в котором представления о медиапространстве оказываются вполне системными.

Анализ материала

Собранный в результате дифференциальной выборки лексический материал (неология XIX в.), имеющий отношение к теме исследования, может быть сгруппирован следующим образом: (1) ключевые слова-термины (*журнализм, журнальность, газетность*); (2) слова-пейоративы (*журналец, журналишко, журнальчик; газетка, газетишка, газетенка, газетчина*) и (3) лексические атрибутивные сочетания с прилагательными *журнальный, газетный*.

Журнализм. Обозначенная выше проблема, касающаяся этого термина, прежде всего проблема чисто лексикографическая. Само слово, будучи единицей системы, является одним из ряда так называемых *-измов*, заимствований преимущественно периода Нового времени, чье лексическое значение может быть описано типологически. Ю. С. Сорокин отмечал, что в русском языке «ранее всего формировалась группа обозначений языковых и стилевых особенностей... В дальнейшем, начиная с 30-х гг., особенно бурный рост наблюдается в группе существительных на *-изм* со значением “направления”, обычно предполагающих соотносительные с ними существительные на *-ист*. <...> Также интенсивным был и рост существительных на *-изм*, обозначающих отвлеченное свойство, качество... Можно отметить, что в этих случаях в указанное время данные образования оказывались предпочтительными; более слабыми их конкурентами были образования на *-ство, -ичность* и т. д.» [Сорокин 1965: 263]. Динамика формирования категориальных значений форманта *-изм* не может не учитываться при выстраивании семантической истории конкретного слова, за которым стоит сложное понятие. Анализ контекстов со словом *журнализм* убеждает нас в изначальном семантическом синкретизме данной лексемы, обусловленном эволюцией изучаемого феномена. Его восприятие включает в себя представление о журнализме как (а) части литературного процесса и одной из разновидностей литературы, (б) отличающейся специфическим литературным стилем, (в) сформировавшей особый деятельный тип мировосприятия.

Анализ контекстов позволяет выделить как минимум три семантических компонента в структуре слова *журнализм*: 1) 'журнальная деятельность, журналистика; журналистская продукция'; 2) 'собр. журналисты как профессиональное сообщество'; 3) 'особый тип мышления, выражающийся в образе мыслей, языке и стиле, в характере профессиональной деятельности журналиста'. Примеры (источник — НКРЯ):

- (1) *История журнализма в Англии составляет теперь любопытнейшую и существенную часть внутренней и политической истории Англии, ее литературы, особенно литературной промышленности. А.И.Тургенев. Хроника русского (1825–1826); Very dangerous!!! В последнее время в нашем журнализме стало по-вевать какой-то тлетворной струей, каким-то разворотом мысли; мы их вовсе не принимаем за выражение общественного мнения, а за наитие направительное и назидательного ценсурного триумвирата. Чистым литераторам, людям звуков и форм, надоело гражданское направление нашей литературы, их стало оскорблять, что так много пишут о взятках и гласности и так мало «Обломовых» и антологических стихотворений. Если б только единственный «Обломов» не был так непроходимо скучен, то еще это мнение можно бы было им отпустить. А.И.Герцен. Very dangerous!!! (1859).*
- (2) *Известие о происшествии в Кадиксе принято было в Лондоне правительством, как все последующие затем известия о возмущениях, с притворно-равнодушным одобрением. Общество же, журнализм и все состояния приветствовали его с непритворно радостными похвалами. Ф.Ф.Вигель. Записки (1850–1860-е годы); Здесь важно не столько решение вопросов тем или иным большинством, сколько создание среды, в которой могут действовать люди и которая одна в состоянии развить в них государственные способности, пригодные к порядку, основанному на свободе. Только подобное учреждение может избавить общество и от владычества журнализма. В настоящее время руководителем общественного мнения становится всякий фельетонист, владеющий несколько бойким пером и умеющий, посредством скандалов и задора, привлечь к себе внимание публики. Тут не нужны ни знание, ни ум, ни даже талант: достаточно бесстыдства, которое в газетной полемике всегда возьмет верх среди общества, не привыкшего к тонкому анализу и оценке мысли. Б.Н.Чичерин. Задачи нового царствования (1881).*
- (3) *Литераторы петербургские по большей части не литераторы, но предприимчивые и смышленные литературные откупщики. Ученость, любовь к искусству и таланты неоспоримо на стороне Москвы. Московский журнализм убьет журнализм петербургский. А.С.Пушкин. Путешествие из Москвы в Петербург (1835); После подобного тона, конечно, можно усомниться в справедливости заметки моей о какой-то невольной, может быть, временной сдержанности журнализма при всей его распущенности, но ведь это единственный экземпляр. <...> В коллекцию мою случайно попал журнал под заглавием «la Guillotine» на красной бумаге с портретом Л.-Филиппа, показывающего грудь свою, на которой вырезана гильотина. П.В.Анненков. Записки о французской революции 1848 года (1848); Вообще положение русского литератора весьма незавидно и до настоящего времени, и тот, кто приближается к святилищу литературы с надеждой получить там насыщенный кусок хлеба, горько ошибется в расчете. Вампир журнализма вопьется в него всеми своими клыками, высосет весь талант, заставит кривляться и насиловать воображение и бросит, как ненужную ветошь, когда производительные*

силы действительно ослабеют от неумеренного возбуждения... Надобно быть или очень сильным талантом, или иметь средства к жизни, независимые от литературного труда, чтоб выдержать это чисто механическое давление журнализма. Куда, например, исчез Бутков, автор «Петербургских вершин»? М. Е. Салтыков-Щедрин. Статьи (1856–1860).

См. также приведенную выше цитату из И. В. Киреевского.

Необходимо, однако, заметить, что выделение компонентов семантики, актуализированных в зависимости от конкретной коммуникативной задачи, не исключает присущего лексеме синкретизма. Представляется, что эта особенность проистекает из «загадки» самого феномена журнализма как специфического информационного пространства, которое, по мнению некоторых исследователей, «воспринимается больше как состояние... через некие индикаторы: количество изданий, круг авторов и тем, резонанс от публикаций» [Обидина 2013: 137–147]. Очевидно одно: как всякое «направление» (здесь: линия литературного развития) журнализм в его семантическом ядре имеет динамические пространственно-временные признаки. Кроме того, если определять его сущность через «состояние», то следует говорить и о субъектности данного явления, что предполагает наличие качества. Свидетельством последнего является, на наш взгляд, еще один неологизм XIX в. — существительное *журнальность*.

Журнальность. Слово отсутствует в большой картотеке словарного отдела ИЛИ РАН, не зафиксировано словарями. Возможно, поэтому оно воспринимается некоторыми исследователями языка СМИ как новообразование Новейшего времени на том основании, что встречается в современном медиапространстве (см. интернет-ресурсы). Так, в одной из работ лексемы *газетность*, *журнальность* оказались в списке продуктивных субстантивных суффиксальных новообразований со значением «непроцессуальный отвлеченный признак» [Круглова 2009: 12]. Комментарии по поводу времени появления первого слова даны ниже. Что же касается слова *журнальность*, то в картотеке «Словаря русского языка XIX века» имеются два достоверных примера его употребления в текстах середины XIX в. Первый случай встретился в тексте резонансной статьи критика В. Н. Майкова «Нечто о русской литературе в 1846 году», впервые опубликованной в одном из номеров журнала «Отечественные записки» за 1847 г.: *Рассматривая ученую литературу прошлого года, мы не можем не усилить несколькими тонами свою грустную песню о несуществовании у нас настоящей журналистики, действительно поглощающей иногда строгие требования искусства и науки. В жалобах на воображаемую журнальность нашей литературы нельзя не заметить сильной антипатии против того, что только выражает собою тесную связь науки с жизнью* [Майков 1891: 336]. Эту цитату обнаруживаем также в качестве уникального употребления в НКРЯ. Можно предположить, что авторство термина принадлежит именно известному критику. Другим свидетельством бытования слова в русском языке XIX в. является его фиксация в двуязычном словаре этого периода, где равноправно представлены заимствование и новообразование на русской почве: *Journalisme, m. журнализм, журнальность* [Oldekor 1854: 195]. Данная лексема представляет интерес с точки зрения номинативных процессов, протекающих в русском языке этого периода. Нам уже приходилось писать о группе отвлеченных существительных на *-ость*, образованных от качественных прилагательных,

мотивированных наименованием пространства, среды³. Неологизм *журнальность* в данном контексте есть конечное звено в словообразовательной цепи *журнал* → *журнальный* → *журнальность*, в которой ключевая лексема (*журнал*) имеет все признаки средообразующего пространства. В тексте статьи Майкова, из которой взята цитата, речь идет о формировании отличительного признака (*журнальности*) русских журналов, суть которого — в наличии определенного направления, «идеологии» в содержании публикаций.

Газетность. Впервые словарную фиксацию слово получило в одном из ежегодников «Новое в русской лексике»: «Газетность... Краткость, точность передачи какого-либо содержания» [НРЛ-80: 48]. Информация о его функционировании также содержится в небольшой заметке «Газетность — примета стиля», напечатанной в журнале «Русская речь». В ней автор отмечает отсутствие слова в толковых словарях современного языка [Житенева 1984: 85–89]. Примечательно, что некорректность представленной в этих источниках информации в последующем была воспроизведена в полном объеме в «Историческом словаре галлицизмов в русском языке» [Епишкин 2010], а также в уже упоминавшейся диссертации [Круглова 2009: 12].

Имеющиеся в картотеке «Словаря русского языка XIX века» материалы позволяют устранить этот анахронизм в отношении актуальной лексической единицы, являющейся еще одним вербальным воплощением формирующегося медиапространства в языковой картине XIX в. Анализ немногочисленных контекстов с употреблением этого неологизма в текстах последней трети столетия указывает на два значения: 1) 'газетная издательская деятельность' и 2) 'неодобр. Особый тип восприятия действительности через призму газетных публикаций (поверхностных, легковесных, формальных)'. Примеры:

- (1) В названии рубрики (в росписи содержания «Русского архива»): Кавказские воспоминания А. Л. Зиссермана... 1885. I, 67. X–XIII (*Начало газетности*) [Роспись 1894: 97].
- (2) *Теперь он <Г. И. Успенский> увлечен европеизмом, находя, что у нас напрасно считали Европу в корень обуржуазившейся. Там, «дескать», о «правде» и о народе и думают большие нашего и осуществляют лучше. <...> Другая его идея теперь — это «газетность» нашей жизни. Газета и преимущественно газета Нотовича является для него символом и квинт-эссенцией всего канцеляризма, поверхностных писаний, прожектов и лицемерных «бумажных» забот о народном благе.* В. Г. Короленко. Дневник (1881–1893 гг.) [Короленко 1925: 59–60].

Формирующаяся семантическая структура неологизма *газетность* вполне вписывается в парадигму социокультурных смыслов, которыми характеризуется термин *журнализм* (см. выше). Употребление слова в привычном для нас терминологическом значении (характеристика газетного языка, стиля), но с оттенком неодобрительности появляется позднее: *Г. Скабичевский умѣлъ только сожалительно отзываться о немъ <А. П. Чехове> въ своей «Исторіи новѣйшей литературы» за будто бы отрывочность его писаній, за ихъ газетность, отсутствіе въ нихъ цѣльнаго общественнаго мросозерцанія.* П. Пильский. Летопись текущей литерату-

³ О неязыковых факторах системной организации лексики в связи с новообразованиями *казарменность, кабинетность, салонность* см.: [Калиновская 2015: 469].

ры и жизни (Вѣстникъ знаній. Ежемѣсячный иллюстрированный литературный и популярно-научный журналъ с приложениями для самообразованія. 1904, № 11).

На фоне большого количества новообразований, относящихся к лексико-семантическому полю «журналистика», особо выделяется пейоративная лексика: *журнальчик, журнальшико, журналеи; газетка, газетишка, газетенка* и др. В семантике производных слов отражается специфика конкурентной борьбы между журнальными партиями за место в медиапространстве, а также реакция потребителя на содержание предлагаемой печатной продукции. Пожалуй, в самом обобщенном виде это отношение выразилось в неологизме *газетчина*.

Газетчина. Неологизм принадлежит к разряду слов, образованных по весьма продуктивной на протяжении всего исторического периода живой словообразовательной модели. Класс существительных отвлеченного значения с суффиксом *-щина* (редкий его вариант *-чина*), обозначавших «характеристические общественно-бытовые явления, идейные течения с отрицательной окраской» (по В. В. Виноградову), особенной экспрессивной силы и расширения достигает начиная с середины XIX в. [Сорокин 1965: 224]. Первую его фиксацию в популярном «Историческом словаре галлицизмов в русском языке» [Епишкин 2010], где приводится единственная иллюстрация употребления слова в источнике конца 1990-х годов (цитата из публикации в «Новом мире»), можно считать курьезом с точки зрения происхождения слова и «анахронизмом» с точки зрения времени его появления в русском языке. Материалы нашей картотеки позволяют исправить эту «несправедливость» в отношении русского слова. Самый ранний случай его употребления находим в не бесспорном с точки зрения текстологии источнике — письме А. В. Суворова своему другу Д. И. Хвостову, в котором опальный фельдмаршал выражает свое неудовольствие по отношению к действиям князя Потемкина: *По победѣ надъ визиремъ, чѣмъ далѣе пойдетъ, тѣмъ опаснѣе, я помню дерзкій приказъ — арнауты принадлежатъ «гетманской булавы». Онъ имѣетъ инсигнii донскихъ и иныхъ казаковъ; его поминаютъ за выносомъ, безъ Синода, съ прибавленіемъ его арміи; военныя газетчины даютъ ему Т[авриду]!* [Суворов 1901: 38]⁴. Контекст не позволяет соотнести эту форму слова с теми употреблениями, которые встретились нам в текстах XIX в., поэтому мы можем только предположить, что автор письма, большой любитель чтения газет (о чем можно узнать из его просьб в письмах прислать ему газеты в «финляндскую ссылку»), мог употребить это слово по аналогии с *новины/новизны* (см. сноску в начале статьи). Похожее употребление обнаруживаем также в эпистолярном источнике, но уже середины XIX в., где слово в форме ед. ч. имеет собирательное значение «газеты; газетные публикации»:

Никакого известія из Россіи, а что хуже — все иностранныя известія не стоят тухлого яйца: эдакого отсутствія всякаго признака истины в газетчине немецкой касательно нашего брата — ожидать нельзя было. П. В. Анненков. Письма И. С. Тургеневу (1852–1874) (НКРЯ).

⁴ Первая публикация источника принадлежит изданию «Русская старина» за 1867 г.

Характер источников (письма, дневниковые записи) говорит о том, что слово было широко употребительно в разговорной речи и имело, как правило, отрицательные коннотации, свидетельствующие о весьма критичном отношении к предмету повествования. Например: *Мой дорогой Павел Васильчъ!.. Через Тургенева я вчера послал Вам экземплярчик моей новой пиэски, именуемой Финансовый Гений, которой как Вы увидите, я напечатал в маленькой газетенке Гатицука, вследствие того, что с этой пиэской произошел странный случай. Я отправил ее в Русский Вестник как в единственный журнал, с которым у меня сохранились некоторые отношения; но увы! И там из разных, как мне говорили, юных сотрудников образовалась враждебная мне партия, которая порешила возвратить мне рукопись за негодностью к напечатанию, но почти одновременно с этим пиэса была поставлена на Малом театре в Москве; публика обсыпает и актеров, и меня аплодисментами: выведенные в пиэсе глупая, продажная газетчина, фальшивые телеграммы, безденежные ложные векселя, явления видно слишком знакомые публике, которая помимо аплодисментов благодарит меня и словесно за то, что я хоть не сцене по крайней мере казнию этих негодяев, до которых суду еще долго не добраться. А. Ф. Писемский — П. В. Анненкову, 8 февраля 1876 г., Москва [Писемский 1936: 331]; *Что правда, то правда, и кому же, как не отставному газетному содержанию, приличнее засвидетельствовать всю бездонную пустоту и пошлость, все лицемерие и постыдное кулачество нашей расхожей газетчины съ ея Трубниковыми, Макишевыми, Пастуховыми, Комаровыми и Билбасовыми (Наблюдатель 1882, № 10).**

Шкала «неодобрительного» в семантике лексической единицы может колебаться от пренебрежительного оттенка до выражения презрения. Интересный пример употребления слова *газетчина* обнаруживаем в следующей цитате, где автор свое восприятие социального феномена передает образно через описание чувственных ассоциаций. В тандеме с другим ключевым словом (*нигилятина*) в этом фрагменте воспоминаний он достигает сильного художественного эффекта: *Проводилъ приятно вечеръ у одного почтеннаго знакомого; насъ было человекъ 10, все единомышленниковъ; такъ мирно, приятно, и задушевно бесъдовалось; рѣдко это теперь бываетъ, оттого и наслаждение велико. Вдругъ точно врызался въ нашу темную среду холодный ветеръ. Пришелъ какой-то встѣмъ намъ чужой человекъ. Запахло газетчиной. Встѣхъ пронзилъ холодъ. Все замерло. Пришелъ одинъ изъ многихъ героев печати, берушихъ подрядъ на разведение нигилятины въ одной из питерскихъ газетишекъ.*

Кстати о газетахъ. Мнѣ сегодня сообщили новость: «С.Петербургскія Вѣдомости» домашнимъ образомъ сданы г. Комаровымъ какому-то либералу-антрепренеру. Ай да г. Комаровъ. И вотъ «Свѣтъ» дешевая газетка для народа будетъ перепечатывать изъ «С.Петербургскихъ Вѣдомостей», разныя либеральныя статьи Градовскихъ, и К-і... не душно. Дневник за 1882 год князя В. П. Мещерского [Мещерский 1883: 496–497].

В историческом словаре описанию лексической сочетаемости уделяется особое внимание. Одним из типов лексической сочетаемости, которые представлены в структуре словарной статьи, являются свободные лексические сочетания, демонстрирующие наиболее характерные актуальные случаи употребления слова, типич-

ные для изучаемой эпохи. Атрибутивные сочетания с прилагательными *журнальный, газетный* отвечают этому критерию. Анализ образуемых ими «словесных рядов» в гипертексте словаря дает в проекции картину структуры медиапространства как социального организма. В нем присутствуют все необходимые для функционирования живого организма элементы: среда, атмосфера, свои герои («герой печати»), иерархия персонажей, необходимые аксессуары («почести» и «грязь»). Как показывает анализ подобных лексических сочетаний с прилагательным, их динамика «характеризует тенденцию развития его семантики в сторону качественного значения... атрибутивная функция слова тяготеет к эпитету» [Калиновская, Старовойтова 2013: 179]⁵. См. примеры таких сочетаний (взяты из картотеки «Словаря русского языка XIX века»):

Журнальный. Журнальная критика, журнальные статейки, журнальные выходы, шутки, мелочи; журнальные почести, закидать журнальной грязью; журнальный Аристарх, журнальный писака/шут/сыщик, журнальные псы/плутни, журнальный фронт и др.

Газетный. Газетный мир, мирок; газетное общество; водоворот газетный; газетный язык; газетный насквиль; газетный гений, газетные борзописцы и др.

Приведем характеристику медиапространства, данную автором в годы бурных политических событий эпохи: *Он всегда был для меня гадов — мир многих русских газет с его обществом... я все об нем думал, желая, так сказать, протрадать за русских добровольцев <в Сербии> каждое отвратительное впечатление, навеянное на меня из двойного мира русских газет и русского общества с теми газетами связанного. Вы думаете, все газеты и все общество? Нет: не все, а крупная часть; к чему называть кто, *potina sunt odiosa*; есть такой на Руси мирок, газетный мирок, и такое общество — газетное общество. Газетный этот мирок состоит из людей, ...как бы вам сказать?... ну, словом, из людей продажных, гаденьких, леуцих, которым все ни по чем, и грязь из навозной кучи для них газетный товар, и честное дело, и честный человек; сегодня честный человек называется у них честным, а завтра ему отводят место в навозной яме, и так далее; русский Бог, весьма часто неисповедимый в своих судьбах, допустил этим гаденьким личностям занять важные позиции в русской периодической печати и даже забрать в свои грязные руки известную часть общества. Правда о Сербии. Письма князя В. Мещерского (1877) [Мещерский 1877: 303–304].*

Результаты исследования

Анализ лексических новообразований XIX в., их употребления в текстах данного периода показал динамическую картину формирования лексико-семантического поля «журналистика» в словарном составе русского языка. Ключевыми тенденциями в этом процессе были постепенная кристаллизация основных понятий в ментальной сфере и их вербальное оформление в термине. Так, изучение контекстов употребления термина *журнализм* показало присущий ему на данном этапе семантический синкретизм, который явился отражением динамизма самого явления (движения от события к неотъемлемой части общего социокультурного пространства). В исследо-

⁵ Ср. анализ сочетаемости прилагательного *салонный* в статье: [Калиновская 2015]; также анализ прилагательного *бальный* в статье: [Калиновская, Старовойтова 2013: 179].

вании удалось установить, что появление лексем *журнальность*, *газетность* закрепило в языковой картине мира русского человека представление еще одного этапа в формировании медиапространства — его качественной характеристики. Анализ лексической сочетаемости прилагательных *журнальный* и *газетный* продемонстрировал языковые механизмы формирования субстанционального признака качественности, служащей маркером нового феномена. Изучение материалов дифференциального словника «Словаря русского языка XIX века» позволило также выявить значительный пласт пейоративной лексики, отражающей общественную реакцию на социокультурный феномен.

Выводы

В ходе изучения языкового материала удалось подтвердить полезность и продуктивность историко-лексикологического и лексикографического подходов в решении проблем, выходящих за рамки задач собственно лингвистического исследования. Анализ лексики и фразеологии, образующих ядро и периферию лексико-семантического поля «журналистика», с позиции динамики его формирования и развития на протяжении XIX в. позволил получить объективно достоверный материал для характеристики особенностей становления медиапространства как важной составляющей социокультурного пространства России в XIX в.

Литература

- Давыдова, О. А., Чапаева, Л. Г. (2019). *Азиатизм и азиатский* в идеологическом дискурсе XIX века. В *Славянская историческая лексикология и лексикография*. Вып. 2 (с. 211–218). Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН.
- Епанчинцев, В. В. (2014). Социально-философский феномен журнализма в понимании Н. В. Гоголя (современные аналогии). *Вестник Омского университета*, 1, 112–115.
- Епишкин, Н. И. (2010). *Исторический словарь галлицизмов русского языка*. Москва: ЭТС.
- Житенева, Л. И. (1984). Газетность — примета стиля. *Русская речь*, 2, 85–89.
- Игнатьева, Е. А. (2008а). Гоголевская программа журнализма как параллель современности. В *Альманах современной науки и образования* (с. 62–64). Тамбов: Грамота.
- Игнатьева, Е. А. (2008б). *Явление журнализма в творчестве Н. В. Гоголя*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов.
- Калиновская, В. Н., Старовойтова, О. А. (2013). Презентация лексической сочетаемости в «Словаре русского языка XIX века». В *Языковые категории и единицы: синтагматический аспект* (с. 177–180). Владимир: Транзит-ИКС.
- Калиновская, В. Н. (2015). Отвлеченная лексика в русском языке XIX века: о неформальности «формальных» слов. В М. А. Малыгина (Ред.), *Осьмьдесят. Сборник статей к 80-летию И. С. Улуханова* (с. 468–483). Москва: Азбуковник.
- Круглова, А. В. (2009). *Основные свойства и тенденции формирования специальной лексики языка средств массовой информации конца XX — начала XXI в.* Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар.
- Монастырева, О. В. (2010). Медиапространство: обзор представлений и подходов к пониманию. *Вестник Амурского гос. университета. Серия: Гуманитарные науки*, 50, 56–62.
- Обидина, Е. Ю. (2013). Медиаперсоны и медиалица российского информационного пространства: начало и дифференциация. *Человек. Культура. Образование*, 2 (8), 137–147.
- Панченко, А. М. (2000). *О русской истории и культуре*. Санкт-Петербург: Азбука.
- Скрипченко, Д. В. (2016). *Статус события в пространстве масс-медиа*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург.
- Сорокин, Ю. С. (1965). *Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века*. Москва; Ленинград: Наука.

- Степанищева, Т. (2012). Идеологизация пограничного пространства в русской литературе и публицистике XIX в. В *«Идеологическая география» Российской империи. Пространство. Границы. Обитатели* (с. 125–175). Тарту: Б.и. Электронный ресурс http://www.ruthenia.ru/territoria_et_populi/texts/2.1.Stepanistseva.pdf 21.
- Шестакова, Э. Г. (2005). *Теоретические аспекты соотношения текстов художественной литературы и массовой коммуникации: специфика эстетической реальности словесности Нового времени*. Донецк: Норд-Пресс.

Источники

- Вяземский, П. А. (1899). Переписка П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1812–1819. В *Остафьевский архив князей Вяземских*. Т. 1. Санкт-Петербург: изд. М. М. Стасюлевич.
- Гоголь, Н. В. (1936). Письма к Гоголе. В Гоголь Н. В. *Материалы и исследования*. Т. 1. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР.
- Гоголь, Н. В. (1952). О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году. В Гоголь Н. В. *Полное собрание сочинений: в 14 т.* Т. 8. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР.
- Даль, В. И. (1978). *Толковый словарь живого великорусского языка*. Репринт 2-го изд. Т. 1. Москва: Русский язык.
- Киреевский, И. В. (1911). Обзорение современного состояния литературы. В Киреевский И. В. *Полное собрание сочинений: в 2 т.* Т. 1 (с. 121–173). Москва: тип. Императорского Московского ун-та.
- Короленко, В. Г. (1925). *Дневник (1881–1893 гг.)*. Киев: ГИЗ Украины.
- Майков, В. Н. (1891). Нечто о русской литературе в 1846 году. В Майков В. М. *Критические опыты* (с. 322–346). Санкт-Петербург: журн. «Пантеон лит.».
- Мещерский, В. П. (1877). *Правда о Сербии: письма князя В. Мещерского*. Санкт-Петербург: тип. В. В. Оболенского.
- Мещерский, В. П. (1883). *Дневник за 1882 год князя В. П. Мещерского*. Санкт-Петербург: тип. товарищества «Общественная польза».
- НРЛ-80 — *Новое в русской лексике. Словарные материалы — 80* (1984). Москва: Русский язык.
- Писемский, А. (1936). *Письма 1840–1880. Сер. «Литературный архив»*. Москва: Изд. АН СССР.
- Роспись содержанию «Русского архива» за первые тридцать лет с азбучным указателем (1863–1892)* (1894). Приложение к «Русскому архиву» за 1894 г. Москва: тип. М. Г. Волчанинова.
- Словарь русского языка XIX века: проект* (2002). Санкт-Петербург: Наука.
- Сл. 1847 — Срезневский И. И. *Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Академии наук: в 4 т.* Санкт-Петербург: тип. Академии наук.
- Сл. Акад. — Срезневский И. И. *Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук* (1898). Т. II, вып. 2 (железный — за). Санкт-Петербург: тип. Академии наук.
- СЛРЯ XVIII (1976; 1992) — *Словарь русского языка XVIII века*. Вып. 5, 7. Ленинград; Санкт-Петербург: Наука.
- ССРЛЯ — *Словарь современного русского литературного языка: в 17 т.* (1950–1965). Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР.
- Суворов, А. В. (1901). *Письма и бумаги Суворова из «Суворовского сборника» Императорской Публичной библиотеки*. Вып. 1. Санкт-Петербург: изд. В. Алексеев.
- Oldeok, A. (Ed.) (1854). *Nouveau dictionnaire de poche français-russe et russe-français*. 4-e éd. Vol. I. St. Petersburg: Б.и.

Статья поступила в редакцию 1 ноября 2020 г.;
рекомендована в печать 18 января 2021 г.

Контактная информация:

Калиновская Валентина Николаевна — канд. филол. наук, вед. науч. сотр.;
kalinovskaiavn@yandex.ru

* The study was performed with financial support from the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project “Russian language in the media space of the 19th century”, no. 20-012-00413.

The media space of the 19th century in the mirror of the Russian language: Lexico-phraseological aspect*

V. N. Kalinovskaya

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
9, Tuchkov per., St. Petersburg, 199053, Russian Federation

For citation: Kalinovskaya, V. N. (2021). The media space of the 19th century in the mirror of the Russian language: Lexico-phraseological aspect. *Media Linguistics*, 8 (2), 144–160.
<https://doi.org/10.21638/spbu22.2021.204> (In Russian)

The study of the history of Russian vocabulary during a particular period makes it possible to identify dynamically developing groups of vocabulary that are united according to some principle (lexical and semantic fields, word-formation nests and types). The differential principle of forming a word list for the “Dictionary of the Russian language of the XIX century” provides such an opportunity with regard to vocabulary and phraseology related to the thematic group “journalism”. The article analyzes lexical neologisms (*zhurnalizm*, *zhurnal'nost'*, *gazetnost'*) from the point of view of the verbalization of concepts related to the awareness of a new socio-philosophical reality in Russian social life in the 19th century. The semantic content of the word-terms is analyzed and chronological data regarding their appearance in the Russian language are corrected. The broad lexical compatibility is considered with regard to such lexemes as *zhurnal'nyj* (*zhurnal'naja kritika*; *zhurnal'nyje stateyki*, *melochi*; *zhurnal'nyje vykhodki*, *shutki*, *pochesti*, *zakidat' zhurnal'noj gryaz'ju*; *zhurnal'nyj Aristarkh*, *zhurnal'nyj pisaka*; *zhurnal'nyj syshchik*, *zhurnal'nyje psy*, *plutni*; *zhurnal'nyj frant*, *shut*, etc.), *gazetnyj* (*gazetnyj mir*, *mirok*; *gazetnoje obshchestvo*; *gazetnyj yazyk*; *gazetnyje borzopistsy*, *gazetnyj genij*; *gazetnyj vodovorot*, *gazetnyj tovar*, etc.) in the texts of 19th century Russian authors; the emphasis is placed on the special role of adjectives as markers of elements of a new social mentality, conditioned by the formation of the “media space”. The article also analyzes the linguistic facts that indicate the formation of evaluative vocabulary in this group of words (*zhurnal'chik*, *zhurnalishko*, *zhurnalets*; *gazetka*, *gazetishka*, *gazetenka*, *gazetchina*), which serves as an indicator of the attitude of society, as well as its individual members represented by the authors of texts to the phenomenon of new literature. The results of the analysis carried out with respect to the linguistic material presented in the article made it possible to characterize the collected facts as objective evidence of the identification of the media space in the linguistic picture of the Russian person's world; the projection of the facts obtained in the course of this study onto the previously studied linguistic material confirms the presence in this picture of a certain matrix that organizes our ideas about the structure of social relations. The results of the analysis, which showed the productivity of using historical-lexicological and lexicographic methods in the study of actual linguistic material, can be used by researchers in various fields of the humanities.

Keywords: Russian language of the 19th century, media space, vocabulary, phraseology.

References

- Davydova, O. A., Chapaeva, L. G. (2019). Asiaticism and Asiatic in the ideological discourse of the 19th century. *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya*, 2, 211–218. (In Russian)
- Epanchintsev, V. V. (2014). Socio-philosophical phenomenon of journalism in the understanding of N. V. Gogol (modern analogies). *Vestnik Omskogo universiteta*, 1, 112–115. (In Russian)
- Ignat'eva, E. A. (2008). Gogol's program of journalism as a parallel of modernity. In *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniia*. Tambov: Gramota Publ. (In Russian)
- Ignat'eva, E. A. (2008). *The phenomenon of journalism in the work of N. V. Gogol*. PhD thesis. Saratov. (In Russian)

- Kalinovskaia, V. N., Starovoitova, O. A. (2013). Presentation of lexical compatibility in the “Dictionary of the Russian language of the XIX century”. *Iazykovye kategorii i edinitsy: sintagmicheskiy aspekt* (pp. 177–180). Vladimir: Tranzit-IKS Publ. (In Russian)
- Kalinovskaya, V. N. (2015). Abstract terms in 19th century Russian language: On the informal nature of ‘formal’ words. In *Osm` desat`. Sbornik statei k 80-letiiu I. S. Ulukhanova* (pp. 468–483). Moscow: Azbukovnik Publ. (In Russian)
- Kruglova, A. V. (2009). *The main properties and tendencies of the formation of a special vocabulary of the language of the mass media of the late XX — early XXI centuries*. PhD thesis. Krasnodar. (In Russian)
- Monastyreva, O. V. (2010). Media space: an overview of concepts and approaches to understanding. *Vestnik Amurskogo gosud. universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 50, 56–62. (In Russian)
- Obidina, E. Iu. (2013). Mediapersons and the media of the Russian information space: the beginning and differentiation. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*, 2 (8), 137–147. (In Russian)
- Panchenko, A. M. (2000). *About Russian history and culture*. St. Petersburg: Azbuka Publ. (In Russian)
- Shestakova, E. G. (2005). *Theoretical aspects of the correlation between the texts of fiction and mass communication: the specificity of the aesthetic reality of literature of the New Age*. Donetsk: Nord-Press Publ. (In Russian)
- Skripchenko, D. V. (2016). The status of the event in the media space. PhD thesis. St. Petersburg. (In Russian)
- Sorokin, Yu. S. (1965). *Development of the vocabulary of the Russian literary language. 30–90s of the 19th century*. Moscow; Leningrad: Nauka Publ. (In Russian)
- Stepanishheva, T. (2012). Ideologization of the border space in Russian literature and journalism of the 19th century. In *«Ideologicheskaya geografiya» Rossiiskoi imperii. Prostranstvo. Granicy. Obitateli*. Retrieved from http://www.ruthenia.ru/territoria_et_populi/texts/2.1.Stepanistseva.pdf 21. (In Russian)
- Zhiteneva, L. I. (1984). Newspaper is a sign of style. *Russkaia rech'*, 2, 85–89. (In Russian)

Received: November 1, 2020

Accepted: January 18, 2021

Author's information:

Valentina N. Kalinovskaya — PhD in Philology, Leading Researcher; kalinovskaiavn@yandex.ru